

Наверное, всеобщая грамотность убила устное народное творчество. Из всех жанров остался только анекдот. Фольклор – как золотой песок. Этот песок соединялся, сплавлялся памятью от невозможности записать и прочесть. С развитием технологий передачи информации отпала необходимость запоминать, угасла энергия коллективного творчества, а одна песчинка, хоть и золотая, слишком мала, чтобы её заметить.

Так вот Андрей Пятак – это некая современная фольклорная машина, которая вбирает, впитывает в себя жизнь, язык, настроение и энергию этой жизни и слагает народные стихи. Именно народные, а не о народе.

В народном творчестве и в творчестве о народе, на мой взгляд, всегда существует разлад. Скажем, Некрасов близок был к обычной крестьянской жизни, но всё ж находится не в ней, а над нею. Он её оценивает. И эта жизнь не может в нём не вызывать жалости и сострадания. Это боль, это плачь, это угрызение совести просвещённого человека. А там, внутри этой крестьянской жизни, остудив гудящие после работы ноги в холодной воде, бегут на вечерку и соревнуются, у кого частушка задиристее. А в выходной – на ярмарку. Душа радости просит, как аккумулятор энергии. Именно так Твардовский создал народного героя – Василия Тёркина. Именно поэтому и «В бой идут одни старики» стал народным фильмом. Совпало. Народу не надо про его работу (а война в данном случае и есть страшный общий труд), он её знает лучше любого художника. Ему надо то, что точно выразил Л. Быков словами своего героя: «После боя сердце просит музыки вдвойне».

Я пытаюсь объяснить главную, на мой взгляд, разницу между авторским произведением и фольклорным. Автор смотрит на явление со стороны. Даже в лирическом произведении внутреннее состояние лирического героя раскрывается через образы ради само-

го этого состояния, т.е. оно важно как объект описания. А фольклор – это как бы прикладное изделие для души. То, с помощью чего она сейчас живёт. Фольклор как баланси́р для равновесия. Он чаще всего то, не что есть сейчас душа, а то, чего ей сейчас не хватает. Именно поэтому, наверное, чем страшнее действительность, тем веселее были частушки.

Творчество Андрея Пятака имеет эту глубинную фольклорную особенность. Стихи его как катализатор духа времени, его настроения, языка. Он необыкновенно современен и реален. Я живу в одном регионе с ним и могу это просто засвидетельствовать. В девяностых – это бурление, бунтарство, нерв и в то же время чувство нереальности, а потому вера, что это всё скоро кончится.

***Идёт на море шторм, а я всего лишь щепка.
Волна то бросит вниз, то на берег швырнёт.
А рядом, как фрегат, оранжевая кепка
Не знает, как и я, куда она плывёт.***

***Мы кружимся в одном большом водовороте.
Мы – пленники одной безудержной волны.
На гребень взгромоздясь, мы бредим о полёте.
Но в пропасть тянут нас ревущие холмы.***

***Нет, мне не утонуть, я маленькая щепка.
Тупых голодных рыб я больше не боюсь.
Меня на борт взяла оранжевая кепка.
Пусть чаек сводный хор венчает наш союз.***

Это со стороны о шахтёрских забастовках с надрывом и политическим пафосом всё воспринимается. А энергетика толпы, стучащей касками, вот она. А почему, вы думаете, кепка оранжевая? Да потому, что каска потонет, и она о работе напоминает. Нет в стихах Андрея работы. И насколько реален дух времени, настроение его, настолько фактура нереальна. Вернее, она реальна для той жизни, которую он через себя пропускает, но не для него самого. Андрей на заводе работает в графике «день, ночь, сорок восемь». Если бы он, например, столько пил, сколько пишет, давно б уволили.

***Я парень с вертолётom в голове.
Таких на трезвый ум не понимают,
Ругают, поучают и шпыняют,
А я люблю портвейн и оливье.***

Вот он разлад, внешнего взгляда и внутреннего. Снаружи это названо ёмко, одним словом – ватник. Презрительно, снобово. А изнутри... Ну вот, может, для этого и надо читать Пятака, чтобы понять, почему «умом Россию не понять». Что это за энергия? Выйди в день ВДВ на улицу и вспомни о «вертолёте в голове». Что от него ждать, этого ватника в берете? Он и сам-то вряд ли знает:

**Проще взять анаши и забить папиросу,
Чтобы тапочком всем покемонам по носу.
Не глазеть же в пустой окуляр тетрапака.
Начал вслух «Отче наш» и притих, как собака.**

В стихах последних лет опять на сто процентов преобладающие вокруг настроения: интернет, поездки, отдых... И какая-то тоска... Неприкаянность... Скука... Жизнь просто стала постоянным бегством от скуки. Самое доступное – Алтай:

**А вниз по теченью сплавляется рафт,
Визг дуры с веслом оглашает горы.
Я после ста граммов почти космонавт,
Летающий на Марс, Манжерок который.**

Первый порыв – выправить как-нибудь верхнюю строку... У меня часто возникает такое желание при чтении Пятака – выровнять грамматический выверт. Или ударение. Например, в одном из стихотворений в строке «Поржавела по краям листва» простенько можно переставить слова, и ударение будет по словарю: «По краям поржАвела листва». И я даже лет десять назад совершала такую дурь над несколькими его стихами. Открыла, насколько форма тоже является содержанием. Поняла, что Пятак – это стихотворный юродивый, его вообще нельзя править. Это всё равно, что из окрошки квас убрать. Да, сплавляться вверх по течению невозможно. Да, это тавтология. Но! Именно она подчёркивает и усиливает ощущение, что всё куда-то летит вниз. Всё смешалось: новомодный рафт, «дура с веслом» как ожившая советская скульптура, «оглашает» с церковным привкусом, сто граммов (куда ж без них русскому мужику), мечта недостижимая в виде Марса и то ли падение Марса до Манжерока, то ли возвеличивание Манжерока до Марса... Или намёк, что наши провинциальные городишки и сёла стали так же далеки от человеческой жизни, как Марс?

И это совсем не поза, когда он пишет:

**Стихи – спасение от скуки
Или от жизненных невзгод.
Они молитвенные руки,
Что обнимают небосвод.**

Можно морщиться на его образы и рассуждения о Боге, но они опять же очень народные. Вроде бы уже не безбожники, но и с Богом только по большим праздникам, детей окрестить да близких похоронить... Этакое околобожие. Сто граммов и свечка... Порой мне кажется, что социологов можно распустить, а настроение и мнение народа просто сличать по Пятаку.

И он очень уязвим. Его поэзией можно восхищаться, а можно закатать в асфальт. Он всегда на грани фола: наивный, добрый, грустный и смешной. А тех, кто любит закатывать в асфальт, обезоруживает чем-нибудь вот таким неожиданным:

**Прости меня, что я тупой,
Как валенок, гантелями набитый.**